

тибетцевъ и караванъ обычнымъ порядкомъ змѣеобразно растянулся по ущелью.

На вершинѣ прежняго горнаго мыса, въ ожиданіи передовыхъ быковъ, я остановился. По сторонамъ было тихо, спокойно. Вверхъ по ущелью рѣчки Амук-сэрлон-чю двигалась партія кочевыхъ тибетцевъ, принужденныхъ на время стычки откочевать въ долину. Въ арьергардѣ лингуз'каго каравана слѣдовалъ старѣйшій членъ семьи съ ружьемъ за плечами. Замѣтивъ насъ, онъ тотчасъ же спѣшился и, проходя у обрывистыхъ береговъ рѣчки, ловко опустилъ ружье на землю; затѣмъ, словно ни въ чемъ ни бывало, обезоруженный, поскакалъ вслѣдъ за своими. Надѣюсь, читателю очевидна подобная невинная демонстрація туземца, не желавшаго навлечь на себя неприятности по отношенію къ несоблюденію нашихъ правилъ не показываться съ оружіемъ. На дальнѣйшемъ пути, нашъ караванъ обогналъ этихъ кочевниковъ, по-своему, поздоровавшихся съ нами.

Бдучи со мною впереди каравана, Гасанъ Дорджи невольно поглядывалъ на всѣ тѣ мѣста, которыя были нѣмыми свидѣтелями недавнихъ вооруженныхъ столкновеній. По дорогѣ валялись лошадиные скелеты, обглоданные волками и грифами, повыше, на косогорахъ стояли баррикады и проч. Миновавъ засадную стрѣлку и немного продвинувшись вверхъ, мы повернули къ западу по новому ущелью. Вскорѣ, небо нахмурилось, по ущелью пронесся порывистый вѣтеръ и воздухъ наполнился крупными хлопьями снѣга, медленно падавшими на влажную землю. Караванъ вынужденъ былъ остановиться на ночлегъ раньше обыкновеннаго.

Незадолго до сумерокъ, въ виду нашего бивуака, занесеннаго снѣгомъ, прошло небольшое стадо козулей. Стройные, красивые звѣри рѣзко выдѣлялись на чистомъ откосѣ горъ, выжженномъ пожаромъ. Тибетцы съ цѣлью ускоренія появленія молодой растительности нарочно поджигаютъ сухія прошлогоднія травы. Дикія жвачныя млекопитающія охотно посѣщаютъ подобныя мѣста, но, по словамъ лингузцевъ, держатъ себя крайне строго, во избѣжаніе опасности привлечь къ себѣ вниманіе человѣка.

Какъ на этомъ, такъ и на слѣдующихъ ночлегахъ, лама Гасанъ Дорджи усердно молился, читая на-распѣвъ священныя книги подъ акомпаниментъ молитвеннаго колокольчика. Среди вечерней тишины и глубокаго мрака въ горахъ ламское пѣніе и звонкіе удары въ колокольчикъ по временамъ заставляли забыть нашъ уединенный лагерь въ Тибетъ и мысленно унести въ предѣлы далекой родной Россіи.